

Содержание

Введение	13	Томас Манн	52
Уистен Хью Оден	18	Карл Маркс	53
Фрэнсис Бэкон	20	Зигмунд Фрейд	55
Симона де Бовуар	22	Карл Юнг	57
Томас Вулф	24	Густав Малер	59
Патрисия Хайсмит	26	Рихард Штраус	62
Федерико Феллини	28	Анри Матисс	63
Ингмар Бергман	29	Жоан Миро	64
Мортон Фельдман	31	Гертруда Стайн	66
Вольфганг Амадей Моцарт	33	Эрнест Хемингуэй	68
Людвиг ван Бетховен	35	Генри Миллер	70
Серен Кьеркегор	37	Фрэнсис Скотт Фицджеральд	71
Вольтер	38	Уильям Фолкнер	73
Бенджамин Франклин	39	Артур Миллер	74
Энтони Троллоп	42	Бенджамин Бриттен	75
Джейн Остин	44	Энн Битти	76
Фредерик Шопен	46	Гюнтер Грасс	77
Гюстав Флобер	48	Том Стоппард	78
Анри де Тулуз-Лотрек	51		

Харуки Мураками	79	Агата Кристи	128
Тони Моррисон	81	Сомерсет Моэм	129
Джойс Кэрол Оутс	83	Грэм Грин	130
Чак Клоуз	84	Джозеф Корнелл	131
Франсин Проуз	86	Сильвия Плат	133
Джон Адамс	87	Джон Чивер	134
Стив Рейч	89	Луи Армстронг	137
Николсон Бейкер	90	Уильям Батлер Йейтс	139
Беррес Скиннер	93	Уоллес Стивенс	140
Маргарет Мид	95	Кингсли Эмис	141
Джонатан Эдвардс	96	Мартин Эмис	143
Сэмюэл Джонсон	97	Умберто Эко	144
Джеймс Босуэлл	99	Вуди Аллен	145
Иммануил Кант	101	Дэвид Линч	147
Уильям Джеймс	104	Майя Энджелоу	148
Генри Джеймс	106	Джордж Баланчин	150
Франц Кафка	107	Ал Хиршфельд	151
Джеймс Джойс	109	Трумен Капоте	153
Марсель Пруст	111	Ричард Райт	154
Сэмюэл Беккет	114	Генри Луис Менкен	156
Игорь Стравинский	115	Филип Ларкин	157
Эрик Сати	116	Фрэнк Ллойд Райт	158
Пабло Пикассо	118	Луис Кан	160
Жан-Поль Сартр	120	Джордж Гершвин	161
Томас Стернз Элиот	122	Джозеф Хеллер	162
Дмитрий Шостакович	124	Джеймс Дикки	164
Генри Грин	126	Никола Тесла	166

Глен Гульд	167	Ньюэлл Конверс Уайет	213
Луиза Буржуа	170	Джорджия О'Кифф	214
Честер Хаймс	171	Сергей Рахманинов	216
Фланнери О'Коннор	172	Владимир Набоков	217
Уильям Стайрон	174	Бальтюс	219
Филип Рот	176	Ле Корбюзье	221
Пэлем Грэнвил Вудхауз	178	Бакминстер Фуллер	222
Эдит Ситуэлл	180	Пол Эрдеш	224
Томас Гоббс	181	Энди Уорхол	226
Джон Мильтон	182	Эдуард Эбби	228
Рене Декарт	183	Виктор Притчетт	229
Иоганн Вольфганг Гете	184	Эдмунд Уилсон	230
Фридрих Шиллер	185	Джон Апдайк	231
Франц Шуберт	186	Альберт Эйнштейн	233
Ференц Лист	187	Фрэнк Баум	234
Жорж Санд	189	Кнут Гамсун	235
Оноре де Бальзак	191	Уилла Кейтер	236
Виктор Гюго	192	Айн Рэнд	237
Чарльз Диккенс	195	Джордж Оруэлл	239
Чарльз Дарвин	197	Джеймс Томас Фаррелл	240
Герман Мелвилл	201	Джексон Поллок	242
Натаниель Готорн	203	Карсон Маккаллере	243
Лев Толстой	205	Виллем де Кунинг	244
Петр Чайковский	207	Джин Стэффорд	245
Марк Твен	209	Дональд Бартелми	247
Александр Грэм Белл	211	Элис Манро	249
Винсент Ван Гог	212	Ежи Косински	250

Айзек Азимов	252	Мэрилин Робинсон	267
Оливер Сакс	254	Сол Беллоу	268
Энн Райс	256	Герхард Рихтер	270
Чарльз Шульц	257	Джонатан Франзен	271
Уильям Гэсс	258	Майра Калман	273
Дэвид Фостер Уоллес	260	Жорж Сименон	274
Марина Абрамович	261	Стивен Джей Гулд	276
Твайла Тарп	264	Бернард Маламуд	277
Стивен Кинг	266	Библиография	279

ПЛАН		
	Часы	
Утро <i>Вопрос:</i> Что хорошего сделаю сегодня?	{ 5	Подняться, умыться и обратиться к <i>Всемогущему Господу!</i> Определить дела и принять решения на день. Продолжить текущие исследования. Завтрак
	{ 6 7	
	{ 8	Работа
	{ 9	
	{ 10	
	{ 11	
Полдень	{ 12	Читать или просматривать отчеты. Обед
	{ 1	
Вторая половина дня	{ 2	Работа
	{ 3	
	{ 4	
	{ 5	
Вечер <i>Вопрос:</i> Что хорошего сделал сегодня?	{ 6	Положить все вещи на свои места. Музыка или развлечения. Или беседа. Подвести итоги дня
	{ 7	
	{ 8	
	{ 9	
Ночь	{ 10	Сон
	{ 11	
	{ 12	
	{ 1	
	{ 2	
	{ 3	
	{ 4	

РАСПИСАНИЕ ДНЯ БЕНДЖАМИНА ФРАНКЛИНА (ИЗ ЕГО «АВТОБИОГРАФИИ»)

Кто разгадает суть и стать жизни
в искусстве? Кто поймет, как прочно
сплавились в ней самообуздание
и необузданность?*

Томас Манн. Смерть в Венеции

* Перевод Наталии Манн (Манн Т. Ранние новеллы. — М.: АСТ, Астрель, 2011). — Здесь и далее прим. ред.

Введение

Почти каждое утро в последние полгода я вставал в 5.30, чистил зубы, наливал себе чашку кофе и садился писать о том, как тем же самым занимались великие умы последних четырех столетий. Как им удавалось ежедневно находить время для создания шедевров, какой режим способствовал творчеству и продуктивности? Я старался учесть самые прозаические детали повседневной жизни этих людей — когда они спали, когда ели, когда работали, как у них проявлялся невроз и как они от него защищались, — и таким образом я надеялся увидеть нечто новое в личности и работе гения, набросать занимательный, в подробностях, портрет художника — раба привычки. «Скажите мне, что человек ест, и я скажу, кто он», — сулил французский гастроном Брийя-Саварен*. Я же спрашиваю своих героев, в котором часу они едят и ложатся ли вздремнуть после обеда.

Книга эта, разумеется, поверхностная и легкомысленная, в ней исследуются обстоятельства творчества, а не его плоды; процесс, а не суть. При этом в ней неизбежно проявляется индивидуальность самого автора. (Джон Чивер** уверял, что даже в деловом письме мы хотя бы отчасти раскрываем свою личность — и разве это не так?) Несомненно, у меня была и лич-

* Жан Антельм Брийя-Саварен (1755–1826) — французский философ, кулинар, юрист, политик. Автор трактата «Физиология вкуса» (*Physiologie du goût*).

** Американский писатель, обладатель Пулитцеровской премии за сборник рассказов.

ная задача, меня интересовали проблемы, которые я пытаюсь решить повседневно: как сочетать творческий труд и необходимость зарабатывать на жизнь? Следует ли полностью посвящать себя своему замыслу или же выделять ему несколько часов в день, зато неукоснительно? Когда на задуманное не хватает времени, следует ли пожертвовать всем — сном, приличным доходом, чистотой в доме — или же можно развить способность концентрировать усилия, делать больше за меньшее время, «работать лучше, а не дольше», как наставляет меня отец? Совместимы ли комфорт и творческая деятельность или справедливо другое: не обеспечив себе необходимый минимум комфорта, человек не сможет изо дня в день творить?

Не думаю, чтобы мне удалось ответить на все эти вопросы — на одни из них ответа вовсе нет, на другие каждый отвечает самостоятельно, найдя собственный, зыбкий и нестабильный, компромисс, — но я попытался рассказать, каким образом подобные проблемы решались талантливыми и успешными людьми. Я хотел продемонстрировать, как великие идеи сказываются на будничной жизни их авторов и, наоборот, как повседневные привычки влияют на творчество.

В названии книги присутствует слово «ритуал» (Daily Rituals), но главным образом подразумевается повседневная *рутина*. Это слово предполагает обыденность и даже автоматизм: распорядку, который превратился в рутину, человек следует на автопилоте, без сознательных усилий. И в то же время рутина складывается в результате выбора или целого ряда выборов. В умелых руках режим дня — точно откалиброванный механизм, позволяющий наилучшим образом использовать наши ограниченные ресурсы: прежде всего время, которого нам более всего не хватает, а также силу воли, самодисциплину, оптимизм. Упорядоченный режим — словно колея, по которой в хорошем темпе движутся умственные силы гения, она ограждает его от тирании переменчивых настроений. На эту тему любил рассуждать Уильям Джеймс*. Он думал, что каждый *хотел бы*,

* Американский философ и психолог, один из основателей философии прагматизма.

чтобы некоторые аспекты жизни управлялись автопилотом. Сформировав в себе хорошие привычки, утверждал философ, мы «освободим свой ум, чтобы заняться по-настоящему интересными делами». Ирония судьбы: сам Джеймс отличался хронической медлительностью и нерасторопностью, не мог заставить себя придерживаться жесткого расписания (о нем на с. 104).

На самом деле и эта книга — плод вдохновенного увлечения от работы. Как-то летним воскресным вечером 2007 г. я сидел один в пыльном офисе редакции маленького архитектурного журнала, где работал, и все пытался выжать из себя рассказ, который нужен был к утру понедельника. Вместо того чтобы собраться с духом и разделаться с этой задачей, я то читал в Интернете новый выпуск *The New York Times*, то наводил идеальный порядок у себя на столе, то бегал на кухню за очередной чашкой кофе — словом, всеми способами растрачивал время. Ситуация до боли знакомая: я «жаворонок», сосредотчиться и продуктивно работать могу только с утра, после обеда от меня проку мало.

Мне хотелось найти себе какое-то оправдание (ну, не глупо ли каждый день подниматься в 5.30, а к середине дня уставать?), и я начал просматривать Интернет, чтобы узнать, как организовывали свой день другие писатели. Вскоре я сообразил, что такого рода информацию неплохо было бы собрать и сделать доступной для всех, так что я сперва завел блог, а потом написал книгу. Блог сложился сам собой: я попросту размещал описания повседневной жизни творческих людей по мере того, как мне удавалось найти эти сведения в биографиях, интервью, некрологах и т.д. Взявшись за книгу, я провел куда более широкое и тщательное исследование, но постарался сохранить то, что изначально привлекло читателей: краткость и разнообразие. Я старался как можно чаще предоставлять персонажам книги возможность говорить самим за себя, для чего цитировал их письма, дневники и интервью. При недостатке такого материала я реконструировал режим дня по вторичным источникам, и когда мне попадалось блестящее описание повседневной жизни моего героя, я предпочитал использовать

полные цитаты, вместо того чтобы пересказывать то же самое своими словами.

Составляя эти мини-биографии, я не раз вспоминал фразу Виктора Притчетта* об Эдуарде Гиббоне** из эссе 1941 г. Притчетт отмечает чрезвычайное прилежание великого историка, мол, даже на военной службе Гиббон находил время для научной работы, повторял Горация в походе и вечерами в своей палатке штудировал труды языческих и христианских теологов. «Рано или поздно, — написал Притчетт, — все великие люди делаются одинаковыми: они работают и не могут остановиться. Не теряют ни минуты. Это так угнетает!»

Какому художнику или писателю не приходилось в начале карьеры пережить то же чувство? Достижения великих людей прошлого порой ободряют, но чаще лишают остатков мужества. Однако в своих обобщениях Притчетт не так уж прав. Были вечно бодрые и вечно трудящиеся гении вроде Гиббона, не ведавшие сомнений и отчаяния, что гложут нас, простых смертных, — но были и такие, как Уильям Джеймс и Кафка, — великие умы, напрасно тратившие время в ожидании вдохновения, проходившие через периоды творческой засухи и мучительного писательского ступора, сомнений и неуверенности в себе. Большинство же персонажей моей книги находятся где-то посередине между двумя крайностями — стараются работать ежедневно, однако никогда не бывают вполне довольны результатом и пуще всего боятся распуститьсь, позволить себе праздный денек и прервать плодотворный период.

Всем приходится так или иначе выделять время для работы, но способы, которыми люди организуют свою жизнь, чтобы справляться с работой, бесконечно разнообразны. Этому разнообразию и посвящена моя книга, и я надеюсь, что читателей она ободрит, а не удручит. В процессе работы я частенько вспоминал строку из письма Кафки его возлюбленной Фелиции

* Английский писатель, мастер «малого» жанра.

** Английский историк (1737–1794), автор «Истории упадка и разрушения Римской империи».

Бауэр*. В 1912 г. замученный и тяжелыми жизненными обстоятельствами, и скучной, мертвящей службой Кафка жаловался: «Времени у меня в обрез, сил мало, работа моя — ужас, а дома донимает шум, вот и приходится выкручиваться путем всевозможных уловок, раз уж хорошей и прямой жизни все равно не получилось»**.

Бедный Кафка!

Но если негибкая трудовая этика Гиббона многих может и напугать, то в отчаянии Кафки мы, как ни странно, обретаем утешение: ведь и нам не дано «хорошей и прямой жизни». Большую часть нашего времени занимает скучная, изнурительная работа, и кафкианские «сложные маневры» — это не столько крайняя мера, сколько идеал: как-нибудь все-таки увильнуть.

* Первая невеста Кафки.

** Перевод М. Рудницкого.

Уистен Хью Оден* (1907–1973)

«Для интеллигентного человека рутина — признак амбиций», — писал Оден в 1958 г. Если так, то Оден отличался редким честолюбием, ибо трудно себе представить более пунктуального человека: пунктуальность была его идеей фикс, и всю жизнь он жил по строжайшему расписанию. «Он постоянно сверяет часы, — отметил человек, побывавший в гостях у Одена. — Еда, выпивка, работа, покупки, разгадывание кроссворда, прибытие почты — все рассчитано по минутам и сопровождается неизменными ритуалами».

Оден верил, что подобного рода казарменная строгость необходима для его творчества, он как бы приучал музу к расписанию. «Современный стоик, — писал он, — знает, что лучший способ обуздать страсть — это обуздать время: определить, что ты хочешь или должен делать в течение дня, и делать это всегда в один и тот же момент каждый день, и тогда страсти не причинят тебе вреда».

Оден вставал в начале седьмого утра, варил кофе и поспешно усаживался работать, лишь несколько минут уделив кроссворду. Лучше всего ему удавалось сосредоточиться с 7.00 до 11.30, и он старался извлечь как можно больше из этих утренних часов. Поэт не уважал «сов» и приговаривал: «Пусть гитлеры** трудятся ночами, честный художник этого делать не будет». После обеда

* Выдающийся англо-американский поэт, в чьей поэзии прослеживаются реалистические традиции и элементы романтической поэтики. Лауреат Пулитцеровской премии.

** Военный адъютант Гитлера по ВВС Николаус фон Белов вспоминал: «Страдая бессонницей, Гитлер работал особенно много по ночам. Он говорил, что тогда у него есть покой для размышлений». (Белов Н., фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945. — М.: Русич, 2003.)

Оден обычно возвращался к работе и засиживался до коктейля. Вечер начинался ровно в 18.30, поэт смешивал себе и гостям изрядной крепости коктейль «Водка-мартини». Подавали ужин с большим количеством вина, а после ужина продолжали пить вино и беседовать. Оден ложился довольно рано, никак не позднее 23.00, а с годами еще раньше — около 21.30.

Сохранить энергию и концентрацию поэту помогали амфетамины — он принимал по утрам бензедрин столь же регулярно, как многие люди принимают таблетку мультивитамин. На ночь он принимал секонал или другое снотворное. Эта рутина — «химическая жизнь», по выражению Одена, — продолжалась на протяжении 20 лет, покуда таблетки не перестали действовать. Оден причислял алкоголь, кофе, табак и амфетамины к «сберегающим труд принадлежностям» своей «интеллектуальной кухни», хотя и признавал, что «приспособления эти очень примитивны, то и дело ломаются и могут поранить самого повара».

Фрэнсис Бэкон* (1909–1992)

Непривычному человеку показалось бы, что Бэкон живет в хаосе. Во всех его студиях царил страшный беспорядок, он ухитрялся обляпать красками стены, мебель была сломана, пол завален книгами, кисточками, бумагами, каким-то мусором. Художник уверял, что опрятность подавляет его творчество. Однако в перерывах между порывами творчества Бэкон жил в роскоши и даже излишестве, по несколько раз в день сытно ел, пил невероятное количество алкоголя, принимал все мыслимые стимуляторы подряд и вообще гулял больше и засиживался по ночам дольше, чем кто-либо из его современников.

Но при всем том Бэкон оставался человеком привычки, и его расписание практически не менялось год от года. На первом месте всегда было искусство, и хотя художник поздно ложился спать, просыпался он с первым лучом света и работал несколько часов подряд, примерно до полудня. Затем начинался очередной длинный день, а за ним следовал вечер удовольствий. Обычно Бэкон приглашал к себе в студию друга, чтобы распить с ним бутылочку вина, или же он отправлялся в соседний паб, потом в ресторан на обед, а дальше по клубам, от выпивки к выпивке. Ужинал он опять-таки в ресторане, снова обходил клубы, навещался порой в казино, а под утро перекусывал в бистро. Ему еще хватало сил приволочь шатающихся компаньонов к себе домой и выпить с ними на посошок — на что не пойдешь, лишь бы отсрочить встречу с бессонницей. Усыпить себя Бэкон мог только с помощью таблеток, и он пытался расслабиться, перечитывая в постели классические учебники

* Английский художник-экспрессионист. Прославился после того, как в 1945 г. в одной из лондонских галерей был выставлен его триптих «Распятие».

по кулинарии. Спал он в лучшем случае несколько часов, но это не сказывалось на его здоровье. Вся его зарядка сводилась к двум шагам вправо, двум шагам влево перед мольбертом, а представления о правильном питании — к приему чесночных таблеток (здесь он, как и в выпивке, был склонен к большим дозам) и к отказу от яичных желтков, десертов и кофе. Полдюжины бутылок вина и две-три ресторанные трапезы в день шли Бэкону только на пользу. Такой уж у него был метаболизм: алкоголь не туманил мозги, обильная еда не сказывалась на фигуре — во всяком случае до солидного возраста, когда спиртное все-таки начало на него действовать. Более того, изредка случавшееся похмелье Бэкон воспринимал как бонус. «Мне нравится работать с бодуна, — делился он, — потому что мозг так и прыщет энергией и все мысли как никогда отчетливы».

Симона де Бовуар* (1908–1986)

«Я вечно спешу приняться за дело, хотя день начинаю каждый раз с трудом, — признавалась Симона де Бовуар корреспонденту *Paris Review* в 1965 г. — Сначала я пью чай, а около десяти часов берусь-таки за работу и тружусь до 13.00. Потом я встречаюсь с друзьями, а в пять часов возвращаюсь за письменный стол — до девяти вечера. Мысль не прерывается, я без труда продолжаю во второй половине дня то, что начала в первой».

У Симоны и впрямь не было проблем с работой, у нее были, скорее, противоположные проблемы: раз в году она брала отпуск на два-три месяца и вот тут-то начинала скучать и томиться без привычного дела.

Но хотя работа была у нее на первом месте, немалое влияние на повседневную жизнь оказывали и отношения с Жан-Полем Сартром, начавшиеся в 1929 г. и продолжавшиеся до самой его смерти в 1980-м. Это было интеллектуальное партнерство с довольно своеобразной сексуальной окраской — с самого начала Сартр настоял на том, что каждый из них вправе обзаводиться любовниками, однако должен обо всем докладывать своей «второй половине».

Утром Бовуар работала в одиночестве, обед делила с Сартром, во второй половине дня оба молча трудились бок о бок в квартире Сартра, а по вечерам вместе отправлялись на политические и общественные мероприятия, ходили в кино или же слушали музыку и пили скотч в квартире Симоны.

* Французская писательница, эссеист, философ, один из идеологов феминистского движения. Наиболее известные ее произведения: «Воспоминания благовоспитанной девицы», «Сила обстоятельств», «Все люди смертны».

Клод Ланцман*, бывший любовником Бовуар с 1952 по 1959 г., на собственной шкуре узнал все прелести такого соглашения. Он подробно описывал первый день совместной жизни с Симоной в ее парижской квартире:

«В первое утро я хотел поваляться в постели, но она встала, оделась и направилась к письменному столу. “Ты можешь работать тут”, — указала она мне на кровать, так что я тоже поднялся, пристроился на краешке кровати и принялся курить, притворяясь, будто что-то обдумываю. Больше до обеда она не сказала мне ни слова. На обед она отправлялась к Сартру, иногда брала меня с собой. Во второй половине дня она уходила к Сартру, и они три-четыре часа работали вместе. Потом наступала пора для встреч. Ужинали мы вместе, но потом они с Сартром обычно отсаживались в сторонку, и она разбирала с ним все, что он написал за день. После этого мы возвращались домой и ложились спать. Никаких вечеринок, никаких приемов, ничего мещанского — всего этого мы тщательно избегали. Только насущное, простая, незагроможденная жизнь, продуманная так, чтобы ничто не мешало Симоне работать».

* Французский журналист, кинорежиссер-документалист.

Томас Вулф (1900–1938)

Прозу Вулфа критиковали за избыточность и подростковую, так что, наверное, неслучайно сам характер его работы буквально напоминал мастурбацию. Однажды вечером, в 1930 г., после напрасных усилий вновь обрести тот лихорадочный задор, с каким была написана первая книга «Взгляни на дом свой, ангел», он решил оставить не желавшую продвигаться работу и лечь в постель. Но когда Вулф разделся и встал голым у гостиничного окна, он обнаружил, что вдруг усталость рассеялась и вновь хочется писать. Вернувшись к столу, он проработал до утра «с удивительной скоростью, легкостью и уверенностью». Вспоминая этот момент, Вулф пытался понять, что же способствовало столь благоприятной перемене, и сообразил, что, стоя у окна, бессознательно принялся ласкать свои гениталии, следуя усвоенной в детстве привычке, которая не была вполне эротической («пенис оставался мягким и невозбужденным», — уточнял он в письме другу), но все же вызвала столь «благое мужское ощущение», что пробуждала творческую энергию. С тех пор Вулф регулярно прибегал к этому способу вдохнуть энергию в свою работу, мечтательно исследуя свои «мужские очертания», покуда «чувственный элемент любой сферы жизни не становился более реальным, непосредственным и прекрасным».

Обычно Вулф садился писать около полуночи, «подкрепляясь немыслимыми количествами чая и кофе», как замечает один биограф. Поскольку он никогда не мог подобрать стол или стул, удобный для человека его роста (без малого два метра), он чаще всего писал стоя, используя вместо письменного стола холодильник. Он работал до рассвета, прерываясь лишь, чтобы выкурить у окна сигарету или побродить по комнате.

Закончив, он выпивал и ложился спать часов до 11.00. Поздним утром Вулф приступал ко второму этапу работы, иногда с помощью машинистки, которая являлась и подбирала разбросанные по кухонному полу страницы — результат ночного вдохновения.

Патрисия Хайсмит (1921–1995)

Автор психологических триллеров «Незнакомцы в поезде», «Талантливый мистер Рипли» в реальной жизни была таким же одиноким мизантропом, как многие ее персонажи. Творчество было для нее не удовольствием, но одержимостью, в часы простоя она чувствовала себя несчастной. «Жизнь есть только в работе, то есть только в воображении», — жаловалась она в дневнике. К счастью, вдохновение редко покидало писательницу, она говорила, что идеи настигают ее столь же часто, как крыс — оргазм.

Патрисия творила ежедневно, обычно по три-четыре часа утром; за хороший день успевала набросать 2000 слов. Ее биограф Эндрю Уилсон описал ее метод:

«Чтобы настроиться на работу, она усаживалась в постели, а вокруг — сигареты, спички, пепельница, чашка с кофе, сахарница, тарелки пончиков. Она тщательно избегала каких-либо признаков дисциплины, хотела писать в удобной и расслабленной позе, чуть ли не в позе эмбриона. Она так и говорила, что хотела бы “окружить себя маткой”».

Еще Патрисия перед работой выпивала чего-нибудь покрепче. «Не затем, чтобы взбодриться, — пояснял Уилсон, — а, напротив, чтобы слегка приглушить рвущуюся из нее почти безумную энергию».

Ближе к старости она превратилась в закоренелую пьяницу, которую не всякое спиртное пронимало, и возле кровати помимо кофе и пончиков стояла также бутылка водки — Патрисия протягивала к ней руку, едва проснувшись, и ставила на бутылке пометку, чтобы не превысить дневную дозу. Большую часть жизни она дымила как паровоз, по пачке Gauloises в день. Зато к еде была равнодушна. Кто-то из знакомых отметил: «Она

ела только американский бекон, глазунью и хлопья в любое время дня».

С людьми она чувствовала себя неловко, но у нее складывались дивные отношения с животными, в первую очередь с кошками, хотя она держала дома также и улиток. Ей захотелось приобрести их в качестве питомцев, когда на рыбном рынке она увидела пару улиток, переплетшихся как бы в объятии. Позднее она говорила радиокорреспонденту, что «они внушают удивительное спокойствие». В итоге у нее в саду в Саффолке (Англия) развелось три сотни улиток, и как-то раз Патрисия отправилась в Лондон, прихватив с собой большую сумку латука и усадив туда сотню улиток — пригласила их на ужин. Когда Патрисия надумала переехать из Англии во Францию, выяснилось, что французские законы запрещают ввоз в страну улиток, и она переправляла своих питомцев контрабандой, постоянно возвращаясь за ними в Саффолк и перевоза в бюстгальтере по дюжине за раз.

Федерико Феллини (1920–1993)

Итальянский режиссер утверждал, будто не может спать больше трех часов подряд. В интервью 1977 г. он так описывал свое утро:

«Я встаю в шесть часов утра, брожу по дому, открываю окна, выдвигаю ящики, переставляю книги с места на место. Годами я пытаюсь сварить себе чашку приличного кофе, но у меня к этому явно нет таланта. Как можно раньше я норовлю спуститься вниз, выйти наружу. К семи я уже на телефоне, мне хватает ума сообразить, кому можно звонить в это время, не рискуя разбудить. Некоторым я даже услугу оказываю вместо будильника: эти люди привыкли и полагаются на меня в том, что примерно в семь я подниму их звонком».

В молодости Феллини работал в газете, однако вскоре почувствовал, что его темперамент больше подходит кинорежиссеру — ему нравился сам процесс съемок, шум, общение, тусовка.

«Писатель все делает сам, и ему нужна дисциплина, — рассуждал Феллини. — Он встает в семь утра, сидит наедине с белым листом бумаги. Я же — vitellone [шалопай], мне это не по душе, и я нашел наилучшее средство самовыражения. Съемки — идеальное сочетание работы и коллективной жизни».

Ингмар Бергман* (1918–2007)

«Знаете, что такое — снимать кино? — вопрошал Бергман в интервью 1964 г. — Восемь часов напряженной каждодневной работы, чтобы получить три минуты на экране. И за эти восемь часов выдадутся десять, двенадцать, если вам очень повезет, минут чистого творчества. А может быть, и того не будет. Придется собраться с духом и работать еще восемь часов и молиться, чтобы на этот раз все-таки заполучить свои счастливые десять минут».

Однако Бергман «снимал кино» не только на съемочной площадке, сначала он писал сценарии, уединяясь в своем доме на далеком острове Фаро**. Там он из десятилетия в десятилетие соблюдал один и тот же режим: вставал в 8.00, писал с 9.00 до 12.00, затем ел — опять-таки без роскошеств.

«Он всегда ел одно и то же на завтрак, — вспоминала актриса Биби Андерсон. — Ничего не менялось. Взбитые сливки, ужасно жирные, клубничное варенье, очень сладкое — какая-то детская еда, и еще кукурузные хлопья вдобавок».

После завтрака Бергман работал с 13.00 до 15.00, а потом ровно час дремал. Во второй половине дня он выходил на прогулку или ездил на пароме на соседний остров за почтой и газетами. Вечером Бергман читал, общался с друзьями, смотрел какой-нибудь фильм из своей обширной коллекции или же включал телевизор (он обожал сериал «Даллас»).

«Я никогда не прибегал к наркотикам или алкоголю, — вспоминал Бергман. — Максимум, что я себе позволяю, — стакан вина, и этого мне вполне довольно для счастья».

Ему также была «совершенно необходима» музыка, причем самая разнообразная, от Баха до Rolling Stones. С годами он

* Шведский кино- и театральный режиссер, писатель, сценарист.

** Швеция, провинция Готланд.

потерял сон, спал не более четырех-пяти часов за ночь, и ему стало труднее работать режиссером. Однако даже после того, как в 1982 г. принял решение уйти из большого кинематографа, он продолжал снимать телефильмы, ставить пьесы и оперы, а также писать пьесы, повести и мемуары.

«Я всю жизнь работал, — говорил Бергман, — а работа — словно поток, разливающийся по пейзажу твоей души. Она спасительна, ибо многое уносит с собой, очищает. Если б я не работал постоянно, я бы сошел с ума».

Мортон Фельдман* (1926–1987)

В 1971 г. французский журналист посетил Фельдмана в маленькой деревушке в часе езды от Парижа. Американский композитор уединился там на месяц, чтобы поработать.

«Я живу здесь отшельником, — сказал ему Фельдман. — Встаю в шесть утра, сочиняю до одиннадцати, и на этом рабочий день заканчивается. Выхожу, гуляю, гуляю часами без усталости. Макс Эрнст** живет неподалеку. Кейдж*** тоже навещается. От всякой прочей деятельности я отрезан. Как на меня это влияет? Прекрасно влияет... Но я не привык иметь столько времени, столько досуга. Обычно я творю посреди шума, множества дел. Знаете, я ведь всегда занимался чем-то еще кроме музыки. У родителей имелся бизнес, и я разделял их тревоги, их жизнь...

Потом я женился, жена была увлечена работой, уходила на весь день. Я вставал в шесть утра, отправлялся за покупками, готовил, убирался, работал как сумасшедший, а вечером приходили друзья (у меня было огромное количество друзей, я толком и не понимал откуда). Так прошел год — и ни единой ноты!»

Чтобы выделить время для сочинения музыки, пришлось прибегнуть к стратегии Джона Кейджа. «То был лучший совет, какой я когда-либо в жизни получал, — рассказывал Фельдман, выступая перед аудиторией в 1984 г. — Кейдж говорил, что имеет смысл поработав какое-то время, остановиться и просто переписать уже написанное. Потому что пока ты переписываешь, ты продолжаешь думать и в голову приходят новые

* Американский композитор, приверженец абстрактного экспрессионизма в музыке.

** Немецкий художник-авангардист.

*** Американский композитор.

идеи. Так я теперь и работаю. И это замечательно, это просто чудо — связь творчества и переписывания».

Важную роль играют и внешние обстоятельства — «правильная» ручка, удобное кресло. В статье 1965 г. Фельдман писал: «Иногда я хлопочу только о том, чтобы обеспечить себе все те жизненные условия, в которых я смогу работать. Годами я твержу: дайте мне удобное кресло, и я посрамлю Моцарта».